

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Альковная тайна
содержанки

ЭКСМО

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

Альковная тайна содержанки

«ЭКСМО»

2013

Александрова Н. Н.

Альковная тайна содержанки / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2013 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

ISBN 978-5-699-67491-6

Сергей Зозулин слишком долго искал женщину своей мечты и вот наконец обрел ее в лице милой провинциальной девушки Наденьки. Но оказалось, что у него есть тайные враги. В ресторан, где Сергей собирался сделать Наденьке предложение, ворвалась неизвестная брюнетка и под видом его жены устроила Наденьке скандал. Не вынеся позора, та сбежала в неизвестном направлении. И теперь безутешный влюбленный вынужден просить разыскать ее известного мошенника Леню Маркиза и его напарницу Лолу... Книга также выходила под названием «Новый русский попугай».

ISBN 978-5-699-67491-6

© Александрова Н. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Наталья Александрова

Альковная тайна содержанки

Аплодисменты смолкли, и зрители потянулись в фойе. Кто просто прогуливался, кто обсуждал голоса солистов. Женщины поправляли перед зеркалом прически и ревниво разглядывали наряды знакомых.

Прилично, но несколько старомодно одетый мужчина лет шестидесяти пяти по обыкновению направился в театральный буфет.

Дома он практически не употреблял спиртного, считал, что для одинокого человека это прямой путь к алкоголизму, но в театре, особенно в оперном, непременно выпивал бокал шампанского или пятьдесят граммов коньяку. Так сказать, для полноты ощущений.

Вот и сейчас он взял бокал с золотистым напитком и направился к свободному столику.

Однако не успел он пригубить коньяк, как рядом с ним раздался неприятный гнусавый голос:

– Папаша, можно присоседиться?

– Присаживайтесь, – машинально ответив согласием, пожилой мужчина поднял глаза.

Его сосед выглядел очень странно. То есть, разумеется, на улице или в общественном транспорте он смотрелся бы вполне нормально: короткая стрижка, мясистый загривок, маленькие злые глазки, глядящие исподлобья, кожаная куртка, едва не лопающаяся на широких плечах... такие субъекты сейчас встречаются буквально на каждом шагу, но в оперном театре, на «Тоске» подобный персонаж казался неуместным. Пожилой мужчина невольно отстранился и оглядел соседние столики – нет ли за ними свободного места.

– Что, папаша, не нравлюсь? – сосед осклабился, сверкнув золотым зубом, и положил на стол тяжелую руку с короткими, поросшими рыжим волосом пальцами. – Не дрейфь, пробьемся!

– Отчего же? – пожилой мужчина постарался вежливо улыбнуться. – Я хорошо отношусь к современной молодежи... особенно если она тянется к культуре. Вот вы, молодой человек, пришли в театр... значит, вам нравится опера?

– Не особенно... – признался золотозубый. – Честно говоря, папаша, я эту оперу терпеть ненавижу. Вот опер у меня был знакомый, так я бы его просто голыми руками задушил! Редкая сволочь...

– Если позволите, я пойду, – пожилой мужчина начал приподниматься из-за стола. – Кажется, уже был первый звонок...

– Не спеши, папаша! – золотозубый положил руку ему на плечо и с силой придавил. – Ты вон, я гляжу, еще бормотуху свою не выпил! Сиди, расслабляйся...

– Что вы себе позволяете... – пожилой скосил глаза на короткопалую руку и разглядел на ней лагерные татуировки. Старое сердце тревожно забилося, во рту пересохло. Он взял себя в руки и сильным движением плеча сбросил ладонь уголовника, негромко проговорив:

– Остынь, парень! Здесь тебе не дешевый кабак!

– Ага, и не зареченский шалман... – вполголоса отозвался парень, криво улыбнувшись.

– Что? – Перед глазами пожилого мужчины замелькали цветные пятна, в висках застучало.

– Ничего! Сиди, Лабух! Разговор есть!

Ему показалось, что свет в зале померк.

Сорок лет никто не называл его этой кличкой... он надеялся прожить остаток жизни и больше никогда ее не услышать. И вдруг... как будто приоткрылась дверь в прошлое, и оттуда потянуло холодом. Этот парень... он слишком молод, его тогда и на свете не было...

– Привет тебе от Соленого! – проговорил уголовник вполголоса. – Велел спросить, не забыл ли ты его... его и завмага Пал Палыча...

Не забыл ли он...

Да он скорее забудет самого себя.

Умирать будет – непременно вспомнит тот день...

Это было примерно сорок лет назад, когда он был глупым, молодым и некультурным. Он жил в небольшом старинном городке Зареченске, где была птицефабрика, завод минеральных удобрений, пересыльная тюрьма, извилистая речка Сысойка, в которой все местные пацаны ловили плотву и шурят, две церкви и дом культуры. Еще в Зареченске по странной иронии судьбы была музыкальная школа. И в эту самую школу отдала его мать. Она работала бухгалтером на птицефабрике и хотела, чтобы ее единственный сын, ее кровиночка, выбрался из нищеты и мрака провинциальной жизни. Почему-то она вообразила, что зареченская музыкальная школа поможет ему в этом.

Музыкальную школу он закончил без большого труда, но учиться дальше не получилось. Для этого у него не было достаточных способностей, а у матери – достаточных связей. Музыкальная школа действительно помогла ему только в одном: он выяснил, что обладает абсолютным слухом. Правда, тогда же он узнал, что абсолютный слух без связей ровным счетом ничего не дает.

В армию его не призвали: кроме абсолютного слуха у него обнаружилось плоскостопие. Возможно, для этого все же хватило связей его матери.

И в то же время на птицефабрике обнаружилась значительная растрата: мать, стараясь создать единственному сыну приемлемые житейские условия, запустила руку в карман государства. Ее отправили не в свою, зареченскую тюрьму, а куда-то очень далеко, на Восток, в другой конец одной шестой части суши. Ее отправили так далеко, что сын ни разу не воспользовался правом на свидание.

Он очень разозлился на мать. Не на то, что та проворовалась, а на то, что попалась и оставила его в нищете.

Тут-то ему и пригодился абсолютный слух: закончив курсы в областном центре, он стал работать настройщиком. Как ни странно, в их городке многие родители покупали своим детям музыкальные инструменты. Чаще всего – недорогие пианино ленинградской фабрики «Красный октябрь», но попадались и довоенные немецкие рояли, так что профессия настройщика оказалась довольно востребованной.

Кроме того, время от времени он подрабатывал на свадьбах и похоронах – играл на трубе в составе маленького самодеятельного оркестра, которым руководил старый аккордеонист, преподаватель из музыкальной школы. Тогда-то он и получил среди местной шпаны сомнительную кличку Лабух.

С местной шпаной он сталкивался довольно часто: как-никак они выросли на одних пустырях, в детстве вместе ловили рыбу в речке Сысойке и лазали за яблоками в чужие сады. Теперь все выросли и занимались другими делами, более серьезными, чем кража яблок, но Лабух время от времени играл с прежними приятелями в карты или пил пиво в шалмане, расположенном напротив тюрьмы, где веселая буфетчица Люська иногда наливала в долг.

Понятное дело, там, где пиво и карты, нередко случались драки, в которых Лабуху порядком доставалось.

По непонятной причине ему покровительствовал знаменитый вор по кличке Соленый. По слухам, Соленый отслужил несколько лет на флоте, где приобрел шикарную развалистую походку, нехорошую болезнь и несколько специфически морских выражений. Бывший моряк не раз выручал слабосильного Лабуха в драке, пил с ним разбавленное пиво и приговаривал, похлопывая по плечу:

– Умный ты парень, Лабух... больших дел наделаешь, если милиция не остановит. А я умных люблю... сам бы хотел умным быть, да дураком родился!

Как-то в шалмане завязалась серьезная игра.

Лабух, который обычно играл по маленькой, увлекся и неожиданно для себя проиграл огромные по тем временам деньги.

Его противник требовал немедленно рассчитаться, грязно ругался, грозил ножом...

К счастью, вовремя вмешался Соленый. Он специальным матросским приемом выбил у задиры нож и как следует врезал тому, но после взял у безотказной Люськи пару кружек пива и сел рядом с Лабухом за шербатый, прожженный окурками стол.

– Чего ж ты, парень, на такую мель сел? – проговорил он, положив на плечо Лабуху тяжелую руку. – Ты же парень умный, грамотный... знаешь, что нельзя под килевую волну зарываться. Теперь ничего не поделаешь – карточный долг святой, придется отдавать. Я бы и хотел тебе помочь, да не могу. Не по понятиям это...

– Но у меня нет таких денег, Соленый!

– Раньше думать надо было! Где хочешь доставай...

Соленый задумался, и вдруг лицо его посветлело:

– Слушай, Лабух, а ведь я знаю, как твоему горю помочь! Ты ведь бываешь в доме у завмага Пал Палыча... ты ведь инструмент ему настраиваешь...

– Ну, бываю, и что с того? Он мне ни за что не поможет, тот еще скупердяй! У него копейку-то лишнюю никогда не выпросишь, а тут такие деньги...

– Понятное дело, сам он не поможет. Не тот человек. Но вот если мы с тобой подсуе-тимся...

Далеко не сразу до Лабуха дошло, что Соленый предлагает ему на пару ограбить квартиру завмага.

В первый момент он испугался, но потом подумал, что Соленый прав, это – единственный способ отдать проигрыш. Колебался он недолго – завмаг действительно был редкостным скупердьяем, да и Соленый заверил, что все пройдет без шума и пыли.

– Главное дело, что ты у него бываешь, знаешь, где что стоит, где что лежит, кто когда возвращается...

Сперва все действительно шло гладко.

Соленый без проблем открыл дверь, они набили огромный фибровый чемодан вещами – уложили котиковую шубу жены завмага, жакет с горжеткой, несколько отрезков, трофейный фотоаппарат, часы, серебряные ложки.

Соленый возился с замком небольшого дубового шкафчика, на который он имел большие надежды, как вдруг негромко хлопнула входная дверь.

Обернувшись, Лабух увидел в дверях комнаты Пал Палыча.

В руках у завмага была охотничья двустволка – та самая, которая обычно висела на стене возле пианино.

Совершенно некстати в голове у Лабуха всплыла где-то услышанная фраза: «ружье, кото-рое висит на стене, когда-то обязательно выстрелит»...

Его внезапно обдало холодом, руки задрожали, ноги словно налились свинцом. Он пред-ставил, как дробь из обоих стволов разрывает его живот...

К счастью, завмаг смотрел не на него, он смотрел на Соленого, и его палец уже лежал на спусковом крючке...

У самого Лабуха в руке оказался тяжелый медный подсвечник.

Соленый дико выпучил глаза и крикнул ему:

– Бей!

Думать было некогда.

Лабух ударил Пал Палыча подсвечником. Удар пришелся в висок. Завмаг глухо крикнул и завалился на бок, выронив ружье и широко раскинувшись на полу, как будто просто прилег отдохнуть. Его широко открытые глаза, тусклые, как у выброшенной на песок щуки, смотрели куда-то в угол.

– Ты чего, Лабух, сдурел? – неожиданно тонким голосом проговорил Соленый. – Ты ж его убил!

– Но ты же сам сказал – бей!

– Бей, да дело разумеи! – отмахнулся вор. – С умом бить надо было, не насмерть... чтоб только сомлел... ты же умный парень, Лабух, а тут такого дурака сморозил! Ну да ладно, нюни распускать после будем, сейчас надо отсюда сваливать!

Тем не менее он вскрыл-таки шкафчик, что-то оттуда выгреб – Лабух не видел, что, он вообще ничего не видел, кроме тусклых пустых глаз мертвого завмага.

Послушно, как кукла, он взял чемодан с ворованными вещами и вслед за Соленым ушел из дома. Дотащил чемодан до сарая, на который указал Соленый, и вернулся к себе.

До утра он трясся, не сомкнув глаз, а потом отправился напрямик в шалман.

Там его уже поджидал Соленый.

– Чего, колотит? – он подмигнул Лабуху. – В первый раз оно завсегда так! Не дрейфь!

Понизив голос, он сообщил, что продал вещи и отдал за Лабуха карточный долг. А также заявил, что завтра они пойдут брать квартиру заведующего домом культуры Васильева, у которого Лабух тоже настраивал пианино.

Лабух молча кивнул и отправился на вокзал. Там он сел на поезд Свердловск – Ленинград, который останавливался в их городе на две минуты, и через сутки уже был в Северной столице.

С тех пор прошло больше сорока лет, и он иногда думал, что все это ему приснилось. Правда, время от времени он видел во сне мертвые глаза завмага и окровавленный подсвечник в своей руке. После такого сна он просыпался весь в поту, с тяжело бьющимся сердцем, поднимался, шел босиком на кухню и долго пил прямо из чайника тепловатую ржавую воду.

Но потом снова засыпал и спал без сновидений, тяжелым, горьким сном глубоко одинокого человека.

Но вот сегодня прошлое окликнуло его гнусавым голосом молодого уголовника.

– Вижу, не забыл! – ухмыльнулся парень, нагло сверкнув золотым зубом. – Ну и ладушки! Ты только, Лабух, имей в виду – по убийствам нет срока давности! Это я так, на всякий случай, чтоб уж никакого лишнего трепанья... Соленый говорил, что ты – мужик умный, толковый, все и так поймешь!

– Жив, значит, старый кровосос? – пожилой человек обрел наконец дар речи.

– А че ему сделается-то? Живее всех живых, как говорится! Чтоб не сглазить! – и золотозубый постучал по столу.

– И чего вам от меня надо? – проскрипел бывший Лабух, неожиданно почувствовавший себя ужасно старым.

– Чего нам надо? Известно чего нам надо. Ты ведь, папаша, как и прежде, настройщиком работаешь?

– Зачем спрашивать, если сам все знаешь...

– Верно, я про тебя все знаю. Знаю, например, что ты в один дом вхож...

– Подожди, – пожилой мужчина поднял руку в предостерегающем жесте. – Разговор, как я понимаю, будет серьезный, а здесь место ненадежное... лишних ушей много!

Действительно, за соседним столиком сидел лысоватый мужчина средних лет, который то и дело бросал в их сторону заинтересованные взгляды.

– Выйдем на улицу, пройдемся... такие разговоры на свежем воздухе вести сподручнее!

- Что ж ты, папаша, спектакль-то свой не досмотришь? – золотозубый ухмыльнулся.
– Ничего, дай бог не последний!

Двое мужчин молча поднялись, вышли из буфета, спустились по широкой мраморной лестнице и покинули здание театра. Пройдя по площади, свернули в тихий сквер.

Свободных скамеек в этот вечерний час не было, но когда они приблизились к одной из них, с нее вскочил высокий, хорошо одетый мужчина лет тридцати. Нервно оглядываясь и что-то вполголоса бормоча, он неровной, прыгающей походкой зашагал по дорожке сквера и неожиданно налетел на другого человека, постарше, в надвинутой на глаза кожаной шляпе.

– Какая у вас публика нервная! – насмешливо проговорил золотозубый, усаживаясь на освободившуюся скамью. – Пугливая!

– У тебя, парень, вид такой – кто хочешь испугается, – отозвался его пожилой спутник.

– Ну что ж, нам же лучше, тут нам никто не помешает... Ну, папаша, значит, так. Вхож ты в один богатый дом...

Метрах в ста от этой скамейки, в дальнем конце аллеи, привлекательная молодая женщина делала одновременно три дела: одной рукой она покачивала голубую коляску, из которой время от времени доносилось негромкое хныканье, в другой руке держала развернутый журнал по садоводству и в то же время слушала музыку из портативного плеера.

Проходивший мимо скамьи интеллигентный старичок с умилением взглянул на эту идиллию и подумал, что не так уж плоха демографическая ситуация в нашей стране.

Проводив старичка взглядом, молодая мать наклонилась над коляской, словно для того, чтобы проверить своего ребенка. Она откинула краешек одеяльца, но вместо детского личика под ним оказался маленький монитор, на котором был виден другой конец сквера и скамья, на которой только что сидел нервный мужчина.

«Мамаша» увидела, как тот вскочил со скамьи и торопливо зашагал по аллее, увидела, как, словно бы случайно, столкнулся с прохожим в кожаной шляпе...

– Черт! – прошипела женщина. – Встреча сорвалась! Вся подготовка летит к чертовой матери...

Она хотела устремиться вслед за нервным фигурантом, но тот уже покинул сквер, сел в машину и уехал. Да и какой смысл преследовать его, ей нужно было прослушать разговор, для того она и закрепила микрофон на той скамье, где Лопатин должен был встретиться со связным, для того установила миниатюрную камеру, для того сидела здесь полдня, изображая заботливую мамашу... и все провалилось из-за каких-то двоих идиотов, которые не нашли лучшего места для разговора! Теперь шеф устроит ей грандиозный разнос, будет угрожать крайними мерами...

Она бросила злой взгляд на странную парочку – интеллигентный пожилой мужчина и явный бандюган – и невольно прислушалась к их беседе.

В следующую секунду она забыла, для чего пришла в этот сквер. То, о чем говорили эти двое, могло изменить ее жизнь. Могло дать ей свободу, настоящую свободу!

Ресторан «Бунин» на Васильевском острове Петербурга – уютное, уважаемое место, где можно провести тихий вечер с близким человеком, отметить годовщину свадьбы или просто посидеть в кругу старых друзей. Владельцы этого ресторана сумели воссоздать здесь атмосферу дореволюционной русской усадьбы, или скорее загородной дачи начала прошлого века. Плетеная дачная мебель, белоснежные крахмальные скатерти на столах, вышитые вручную салфетки, темные ореховые буфеты, олеографии на стенах, старинный граммофон с начищенной до блеска медной трубой, клетки, в которых распевают щеглы и канарейки. Кухня вполне соответствует обстановке – простая и вкусная домашняя еда, замечательные рассыпчатые пироги, квасы и морсы, вишневые и смородиновые наливки. Правда, цены здесь доста-

точно высокие, чтобы отпугнуть случайную публику, но места в этом ресторане никогда не пустуют.

Официантки в «Бунине» все, как на подбор – круглолицые, улыбчивые, в длинных светлых платьях, похожие на провинциальных барышень из книг Бунина или Чехова.

В этот вечер угловой столик возле окна занимала приятная пара. Если мужчина выглядел обычным, вполне современным бизнесменом – лет сорока, в хорошо сшитом костюме, очень представительный, с пробивающейся на висках благородной сединой, то его спутница сама казалась словно сошедшей с чеховских страниц. Милое, немного наивное лицо, большие голубые глаза, светлые, аккуратно уложенные волосы, скромный костюм. На вид ей можно было дать лет двадцать пять. Она внимательно слушала своего собеседника, не сводя с него восхищенного взгляда.

Официантка Аллочка, обслуживавшая этот стол, невольно залюбовалась симпатичной парой и потому не сразу заметила новую посетительницу.

Это была женщина лет тридцати – тридцати пяти, хотя, возможно, внешность ее вводила в заблуждение. Яркая, ухоженная брюнетка в дорогом темно-красном платье, подчеркивающим ее эффектную фигуру и немного вульгарную красоту, задержалась в дверях ресторана, окидывая взглядом посетителей.

– Вы заказывали столик? – шагнул навстречу брюнетке метрдотель Павел Васильевич.

– Меня ждут, – ответила та раздраженно, отодвинула метрдотеля в сторону и решительно направилась к угловому столу.

– Мерзавец! – выпалила она, остановившись за спиной у мужчины. – Я сначала не поверила Ксюше! Какой же я была душой! Я отдала тебе свои лучшие годы и вот какую благодарность заслужила!

– Что такое? – мужчина приподнялся, повернулся лицом к брюнетке, и его брови удивленно поползли вверх: – В чем дело? Кто...

– Вот только не надо ломать комедию! – брюнетка схватила тарелку с салатом и швырнула в лицо изумленного господина. – Мне открыли на тебя глаза! Спасибо, нашлись добрые люди! Просветили! А где ты подцепил эту дешевку, эту бледную немочь, эту шлюху, эту кривоногую каракатицу? На вокзале? Имей в виду – она непременно наградит тебя целым букетом заразных болезней! Всю оставшуюся жизнь ты будешь работать на лекарства!

Милое личико блондинки вытянулось от незаслуженной обиды, на ее бездонных голубых глазах выступили крупные слезы. Взглянув на своего спутника, безуспешно счищающего салат с воротника рубашки и лацканов пиджака, она проговорила дрожащим голосом:

– Сережа, что происходит? Кто эта женщина? Почему она говорит эти ужасные вещи?

Мужчина попытался что-то сказать в свою защиту, но брюнетка перебила его:

– Она еще спрашивает, кто я такая? Корова! Обезьяна! Выхухоль! Росомаха! Неужели ты воображаешь, что тебе это так просто сойдет с рук? Да я выдеру все твои бесцветные волосенки! Я выцарапаю твои тусклые глазки! Ты у меня узнаешь, как уводить чужих мужчин! Я тебя голой по Невскому пушу!..

Блондинка прижала руки к пылающим щекам, вскочила и стремглав бросилась прочь из зала. Мужчина кинулся за ней. Метрдотель Павел Васильевич спешил на звуки скандала, пытаясь понять, как это он допустил такую возмутительную сцену и как навести во вверенном ему ресторане прежний порядок.

Выскочив на крыльцо, спутник оскорбленной блондинки растерянно огляделся по сторонам. Той и след простыл. Дверь ресторана приоткрылась, оттуда выглянул метрдотель и неприятным подозрительным голосом проговорил:

– Господин хороший, вы сперва счет оплатите, а потом уж можете из ресторана убежать! А то придется охрану позвать...

– Счет? – мужчина еще раз безнадежно оглядел пустынную улицу и вернулся внутрь. – Конечно, я сейчас все оплачу... вот только разберусь с этой женщиной...

– С какой-такой женщиной? – переспросил Павел Васильевич, неотступно следуя за посетителем.

– Ну, с этой брюнеткой, которая устроила скандал... – неуверенно ответил клиент, оглядывая зал.

– С какой такой брюнеткой? – повторил метрдотель.

В самом деле, никакой брюнетки не было, она как сквозь землю провалилась.

Мир и покой спальни был внезапно нарушен жуткими звуками.

– Уй-уй-уй! А-а-а!

Лола зашевелилась во сне и поплотнее закуталась в пуховое одеяло.

Известно, что все люди делятся на жаворонков и сов. «Жаворонки» – это те, кто без всяких усилий просыпается ранним утром в любую погоду, в солнечную или ненастную. Они бодры и веселы, как те маленькие звонкоголосые птички, именем которых их нарекли завистливые «совы», они выскакивают из постели без сожаления, мужчины распевают под душем оперные арии, а женщины-«жаворонки» даже без всякой косметики свежи по утрам, как майские розы.

«Совы» же бодрствуют до поздней ночи, а потом спят до полудня. Если, конечно, позволяет образ жизни. Все же «сове» редко так везет, и в противном случае нет никого несчастнее «совы», которая вынуждена подниматься затемно, не открывая слипающихся глаз, тащиться в ванную, напяливать кое-как одежду и ехать на работу в душном транспорте, заполненном такими же хмурыми, невыспавшимися, несчастными людьми.

Еще хуже, когда в семью «жаворонков» случайно затешется «сова». Тогда уж точно ей не будет покоя. Допустим, в выходные: муж вскакивает ни свет ни заря и требует полноценного калорийного завтрака, дети с утра пораньше жаждут поиграть с мамой в шумные подвижные игры, собака оглушительно воет, требуя немедленной прогулки, а то она, собака, за себя не отвечает. Несчастливая, одуревшая со сна «сова» долго трясет головой и скрывается за дверь ванной, чтобы поспать там еще минут двадцать. Но муж стучит в дверь, дети успевают подраťся и разбить хрустальную вазу – подарок свекрови, и в завершение воскресного утра несчастную «сову» ждет потрясающий сюрприз в виде незапланированного прихода этой самой свекрови, которая с порога умудряется вляпаться в лужу (собака ведь предупреждала!).

Лола была стопроцентная, законченная «сова», то есть очень любила поспать по утрам.

Любила она поспать зимой, когда на улице темно и морозно, снег пронзительно скрипит под ногами ранних прохожих, и следы их немедленно замечает поземка. В такие дни очень приятно завернуться поплотнее в пуховое одеяло, зачмокать губами и заснуть крепко, без сновидений.

Любила Лола поспать весной, когда воздух свеж и пахнет талой водой и мочеными яблоками. Сон весенним утром нежный и сладкий, как поцелуй младенца.

Любила Лола поспать летом, когда легкий ветерок играет кистями занавесок и маленькие птички жизнерадостно распевают за окном свою звонкую песенку. Летним воскресным утром снятся самые замечательные сны – цветные, многосерийные, с приключениями и непременно с хорошим концом.

И, наконец, любила она поспать поздней осенью, когда за окном тоскливо шумит мелкий противный дождь и так приятно ощущать себя в теплой постели. Осенью Лола поворачивалась на правый бочок, подкладывала руку под румяную со сна щеку, как учила когда-то воспитательница в детском садике, и сладко смежала веки. Сон под шум дождя особенно крепок.

Словом, Лола, боевая подруга и соратница Лени Маркова по кличке Маркиз, очень любила поспать. Компаньон к этому ее пристрастию относился неоднозначно. В принципе,

он был мужчина вполне самостоятельный – мог сам приготовить завтрак и отыскать в шкафу чистую рубашку. Однако бывали случаи, когда Лола срочно требовалась ему по работе. Если уж удавалось уговорить ее на какое-нибудь серьезное дело, то Лола не филонила и не тянула резину – она была послушна и исполнительна. Но вот с подъемом по утрам у Лени с его компаньонкой всегда были проблемы.

Леня Маркиз имел весьма редкую в наши бурные дни профессию – он был высококлассным мошенником. То есть квалифицированным специалистом по безболезненному отъему у слишком богатых сограждан излишков денежных знаков и прочих материальных ценностей.

Леня обдeldывал свои не вполне законные дела без лишнего шума и крови, исключительно за счет своей природной хитрости, ума и сообразительности. Он вообще не любил насилия в любых его формах, не любил он также и всяческого принуждения, поэтому предпочитал, чтобы люди сами, совершенно добровольно отдавали ему свои денежки, причем никогда не разорял их до конца. Леня вообще выбирал для своих элегантных операций если не олигархов, которых на всех, конечно, не хватает, то людей достаточно богатых – с бедными возни много, а денег в результате получишь с гулькин нос, утверждал он. Лола на такие слова своего компаньона ехидно улыбалась – она-то знала, что Маркизу свойственна некоторая старомодная порядочность в делах, что мошенник он не простой, а благородный, вроде легендарного Робин Гуда, но никогда в этом не признается даже себе.

Однако в узких специфических кругах Леня Маркиз приобрел репутацию человека умелого, ловкого, обязательного, неболтливового и достаточно жесткого, одним словом – настоящего профессионала, так что если кому-нибудь нужно было быстро и без лишнего шума вернуть похищенное ценное имущество или получить у шантажиста компрометирующий материал, либо же оградить семью от немотивированного преследования или найти пропавшую драгоценность, деньги или даже человека, то обращались к Лене Маркизу. Конечно, стоили его услуги дорого, но известно, что скупой платит дважды, и отбоя в клиентах у Лени не было.

В процессе своей успешной трудовой деятельности он подобрал себе замечательную помощницу Лолу – она была красива, артистична, неглупа и мастерски умела перевоплощаться в кого угодно.

В этом не было ничего удивительного, потому что до встречи с Маркизом она была актрисой, играла в маленьком, не слишком известном театре, за что получала гроши. Леня платил ей гораздо больше, но Лола время от времени тосковала по своей театральной жизни. Впрочем, больше для виду, потому что их с Маркизом работа была не только хорошо оплачиваемой, но и достаточно интересной.

Лола без спора признавала Ленину главенствующую роль в их дуэте, а что временами капризничала и дулась на компаньона, то с женщинами ведь подобное случается частенько... Компаньоны весьма успешно работали вместе, но только потому, как утверждал Леня, что связывали их единственно деловые, коммерческие отношения, и никакой лирики. Проще говоря, никакого секса.

Не больно-то и хотелось, думала Лола, однако на все многочисленные загулы своего компаньона и соратника отчего-то реагировала очень болезненно.

В этой просторной квартире они жили второй год. Жить вместе оказалось очень удобно и для работы, и потому, что за время сотрудничества компаньоны успели обрести семейством в лице трех домашних животных.

Первым номером в Лолиной душе и по списку шел замечательный песик древней мексиканской породы чихуахуа по имени Пу И. И, хотя Лола всерьез утверждала, что песик – ее сокровище, ее единственная радость на этом свете, в последнее время гулял с ним все больше Леня, а также кормил, вычесывал и разговаривал по вечерам о жизни. Впрочем, Пу И не слишком любил пустые, беспредметные разговоры. Вот со вторым домашним любимцем – огромным угольно-черным котом Аскольдом – Маркиз готов был беседовать часами. Кот выражал

свои мысли задушевым мурлыканьем и проникновенным взглядом изумрудно-зеленых глаз, и Леня очень хорошо его понимал.

Третьим в компании был большой разноцветный попугай по кличке Перришон. Этот-то как раз замечательно умел разговаривать, только выражался иногда очень нелицеприятно, хотя Леня не жалел времени, чтобы научить попугая разным интеллигентным словам и привить ему приличные манеры.

Лола, конечно, занималась хозяйством – готовила иногда вкусные блюда, ухаживала за животными, но утром добиться от нее толку было невозможно. Всеми мыслимыми и немислыми способами она отстаивала право спать до полудня.

Не такой был человек Леня Маркиз, чтобы опускать руки. Он перепробовал все: заваривал крепчайший кофе и подавал его Лоле прямо в постель с теплыми круассанами из соседней булочной. Лола выпивала кофе, не открывая глаза, благодарила Леню за заботу и тут же засыпала снова. Леня врывался в спальню своей подруги с криком «Подъем!», срывал с нее одеяло за неимением пионерского горна, трубя побудку губами. Эти его действия не производили на Лолу ни малейшего впечатления, поскольку по молодости лет она не успела отдохнуть в пионерлагере и зубодробительный звук горна не нагонял на нее вселенскую тоску.

Леня пытался петь советские бравурные песни, однако Лоле они почему-то бодрости не прибавляли и сон не прогоняли. Пытался он также привлечь на свою сторону Пу И, тот быстро сдался – в этом вопросе даже ему было с Лолой не совладать.

На самый крайний случай оставался последний, довольно жестокий, способ: хватать Лолу в охапку и тащить в ванную, где пихать под холодный душ прямо в пижаме. Однако Леня, как человек трезвомыслящий, понимал, что этот метод можно применить только один-единственный раз. После такого издевательства Лола, конечно, проснется, но немедленно разорвет с ним всяческие отношения.

Вы спросите, отчего Маркиз не применял к пробуждению своей подруги такой простой способ, как будильник. Я вас умоляю, как говорят в Одессе! Он покупал будильники десятками. Электронные и механические, настенные и настольные, встроенные в торшер и впаянные в браслет наручных часов. Разных размеров и конфигурации, от стильного хайтековского шарика на длинной металлической ножке до аляповатого пластмассового уродца. Они звенели, пищали, щебетали птицами, играли классическую и популярную музыку.

Ничего не помогало. Лола наваливала на будильники подушки, била их об стенку и выбрасывала на Лениной памяти в окно. Один будильник даже исполнял государственный гимн России, но аполитичная и несознательная Лолка все равно и не думала вставать.

И вот, когда Леня не то чтобы окончательно пал духом, но несколько утомился, на глаза ему попался в одном магазинчике очень интересный экземпляр...

– Дорогая, – самым невинным голосом сказал Маркиз, протягивая Лоле коробку, – я принес тебе подарок.

– С чего это вдруг? – подозрительно осведомилась Лола. – С какой-то радости?

– Ну-у... просто так, от чистого сердца... – проговорил Леня, глядя на свою подругу кроткими, прямо-таки голубиными глазами.

И хотя Лола прекрасно знала, что от Ленки можно ожидать любого подвоха, она развязывала нарядную коробку с детским предвкушением подарка.

– Что это?

В коробке лежало нечто круглое и пушистое, по форме отдаленно напоминающее незабвенного Чебурашку, только уши у него были пороссячьего ярко-розового цвета. На круглой морде были глаза и рот и жиденькие волосики.

– Что это за штука? – возопила Лола.

– Это будильник, – смиренно пояснил Маркиз, – ты же разбила вчера последний. Я подумал, что этот, розового цвета, очень подойдет к твоей спальне.

Действительно, спальня у Лолы была выдержана исключительно в розовом цвете: нежно-розовые обои, темно-розовые занавески, покрывало цвета слегка увядшего шиповника и туалетный испанский столик розового дерева.

– Гламурненький такой будильничек, – соблазнял Леня, – очень будет к месту...

То, что Лола приняла за волосики, при ближайшем рассмотрении оказалось циферблатом, расчерченным на часы и минуты. Будильник был такой забавный, к тому же Лола подумала, что, если он ей надоест, всегда можно будет выбросить его в окно...

Она так была увлечена будильником, что не заметила, как Маркиз отворачивается и наклоняет голову, стараясь скрыть подозрительный блеск в глазах.

И вот на следующее утро...

– Уй-уй-уй! А-а-а! – завывал будильник.

Лола высунула из-под одеяла одну руку и попыталась нашарить его на тумбочке. Не тут-то было, Лола только опрокинула стакан с апельсиновым соком и уронила журнал.

Будильник орал по-прежнему, но – странное дело! – на этот раз звук доносился откуда-то сбоку, как будто его источник переместился. Лола прислушалась, затаившись под одеялом, после чего снова протянула руку на звук. И опять ничего не нашла.

– Ха-ха-ха! – засмеялся будильник нагло. – Что, съела? Поднимайся немедленно!

Лола подумала, что она все еще спит, и ущипнула себя за ляжку.

Было больно.

Будильник издевательски расхохотался.

– Ну, погоди! – пригрозила ему Лола и вылезла из-под одеяла.

Будильник балансировал на краю тумбочки, вращая глазами и размахивая розовыми ушами.

– Мамошка... – прошептала Лола в полном удивлении.

– Вставай, лентяйка и лежебока! – гаркнул будильник. – Тебя ждут великие дела!

Лола была начеку и коршуном бросилась на него. Будильник ловко увернулся и упал на пол. Однако не разбился, а закатился под кровать. Только Лола хотела лечь обратно, как из-под кровати раздалось издевательское хихиканье, и мерзкий голос крикнул:

– Лолка – свинья ушастая! Лежит как колода, поправилась на четыре килограмма!

– Что? – Лола подскочила на кровати, как ужаленная. – Я поправилась? Да я тебя сейчас...

Она сунулась под кровать, но отвратительный будильник выкатился с другой стороны и, визжа и хихикая, покатился по комнате. Лола пыталась бросить в него тапочком, но будильник ловко уклонялся. И вообще он двигался на удивление быстро и шустро. Лола же со сна никак не могла прийти в норму.

Прыжки и беготня продолжались минут десять, после чего в комнату заглянул Маркиз.

– Зарядку делаешь? – дружелюбно спросил он. – Это правильно, а то что-то бока у тебя немножко округлились...

– Что-о? – заорала Лола. – И ты туда же? Ты его нарочно научил! Провокатор!

Леня молниеносно захлопнул дверь, будильник же заново принялся осыпать Лолу оскорблениями, при этом достать его не было никакой возможности. В конце концов Лола махнула рукой и выскочила из спальни. Компаньон ждал ее в коридоре, вооружившись на всякий случай палкой от швабры.

– Отвратительный тип! – сказала Лола, тяжело дыша. – Никогда тебе не прощу четырех килограммов, тем более что это ужасная, наглая, вопиющая ложь!

– По крайней мере, у меня теперь есть надежда, что ты можешь встать рано, если нужно, – хладнокровно заметил Леня. – Видишь ли, кажется, у нас есть работа... Не нервничай, – зато-

ропился он, видя, что Лола тяжело задышала, – возможно, я смогу обойтись в этом случае без тебя.

– Как? – от злости голос сорвался, и Лола пустила петуха. – Ты разбудил меня в такую рань таким хамским способом, когда тебе вовсе не нужно куда меня посылать? Ну, знаешь...

– Зато я уверен, что будильник не подкачает в трудную минуту, – с этими словами Маркиз выставил вперед ручку от швабры, как воины Александра Македонского выставляли копья в сомкнутом строю, ибо Лола налетела на него подобно персидской коннице. И так же, как персы, вынуждена была отступить.

За дверью было тихо, будильник молчал, но Лола тут же поняла, что если она только попробует снова лечь в постель, то розовый негодяй начнет орать и ругаться с прежним рвением.

– Где ты его взял? – угрюмо спросила она.

Леня опустил ручку от швабры и решился признаться, что купил он будильник в обычном магазине совершенно случайно, что это такая новая модель – крутится по полу он сам, а текст нужно записать заранее. Видя, как горько дрожат Лолины губы, он сделал вид, что искренне раскаивается, и пригласил свою подругу на кухню, где разогревались в духовке замечательные пироги из кондитерской. Лола потянула воздух носом и сменила гнев на милость.

Кот получил кусок рыбного пирога, Пу И – кулебяку, а попугай выклевывал орешки и зернышки из макового рулета.

– Ну, так что у тебя за дело? – мирно спросила Лола, допивая вторую чашку кофе.

– Ну слушай... – Леня настроился на серьезный лад и даже ссадил с колен невесть как там очутившегося кота.

Все началось два дня назад.

Леня возвращался домой в самом благодушном настроении. Где и с кем он провел время – не суть важно (при этих словах Лола, разумеется, насторожилась и закрутила головой в поисках тяжелого предмета), важно то, что погода была прекрасная, пробок на улицах не было, из динамиков доносились волшебные звуки классической музыки в исполнении Ванессы Мэй, и Маркиз предвкушал уютный домашний вечер в окружении своих любимцев и, разумеется, Лолы (тут Лола недоверчиво фыркнула, но смягчилась).

И вот, когда он уже сворачивал к собственному дому, из проезда между двумя зданиями выехала синяя «Мазда» и задела Ленину машину, впилившись бампером в ее правое крыло.

Леня затормозил, выскочил из машины и уставился на ее боевое увечье.

Хорошее настроение испарилось без следа.

На правом крыле новенького «Вольво» красовалась огромная вмятина, как здоровенный синяк на скуле неудачливого боксера.

Конечно, Леня при своей специфической профессии менял машины довольно часто и ни к одной из них не успевал привыкнуть до такой степени, чтобы испытывать глубокие чувства, как к близкому человеку. Кроме того, у него имелся хороший приятель, отзывавшийся на странную кличку Ухо, который знал все о машинах и умел творить с ними буквально чудеса, и которому привести «Вольво» в прежний вид не составило бы никакого труда. Но все же нужно обладать спокойствием бронзового памятника и нервами прочными, как стальные тросы, чтобы не прийти в бешенство при виде только что разбитой новенькой машины. Во всяком случае, ни один уважающий себя водитель не смог бы сохранить спокойствие в этой ситуации.

Разумеется, Леня Маркиз не был исключением из этого общего правила.

Он развернулся на месте, глаза его запылали огнем праведного гнева, зубы сжались и заскрипели, и он направился навстречу виновнику аварии – водителю синей «Мазды».

– Ты, мужик, куда смотрел?! – воскликнул Леня, подходя к тому и убедившись, что за рулем сидит мужчина (с женщиной он, как настоящий джентльмен, вел бы себя иначе).

– Разуй глаза! – продолжал Маркиз. – А лучше – покажись окулисту! Ты что – совсем слепой? Ты мою машину видел?

– Видел... – отозвался водитель «Мазды» грустным голосом. Несомненно, он признавал свою вину.

– А если видел – какого же черта ты поехал? Моя же дорога по-любому главная! Или ты вообще правил не знаешь? Ты свои права на каком рынке купил?

– Извините... – проговорил виновник аварии, выбираясь наружу и протягивая разбушевавшемуся Маркизу свою визитку. – Извините, я был очень расстроен...

– Расстроен? Теперь ты еще больше расстроишься! Теперь ты надолго расстроишься... – Маркиз выпустил остатки пара и начал успокаиваться. Этому способствовал виноватый и удивительно печальный вид незнакомца. Если бы тот отругивался, доказывал свою правоту, махал руками и наступал на Маркиза – в общем, вел себя как нормальный участник дорожно-транспортного происшествия – Леня поорал бы в свое удовольствие еще несколько минут, но одно-сторонняя ссора не представляла никакого интереса.

– Ладно, – проговорил он, прочитав надпись на визитке и смерив ее владельца неодобрительным взглядом. – Машины застрахованы, так что разберемся...

Однако ждать, пока с аварией разберутся страховые компании, Маркизу не хотелось, и, снова сев за руль, он поехал на Обводный канал – туда, где располагался гараж Уха и где «Вольво» непременно обретет прежний вид.

Однако добраться до гаража ему не удалось.

Мобильник зазвонил не в самый подходящий момент – Леня разворачивался на перекрестке. Мобильник был специальный – по нему звонили Лене Маркизу потенциальные заказчики, то есть те люди, которым срочно нужны были его быстрая реакция, острый ум, острый глаз, острый коготь... и так далее.

– Мне вас рекомендовали... – слегка запыхавшийся мужской голос назвал имя одного из немногих людей, сославшись на которых можно договориться с Маркизом о делах. – Мне нужно срочно поручить вам важное дело.

– Хорошо, давайте встретимся завтра, – Маркиз постарался сдержать легкое недовольство. – Я свободен во второй половине дня... часов после четырех...

– Ни в коем случае! – закричал мужчина. – То есть я хотел сказать – завтра будет поздно, потому что я уезжаю сегодня ночным поездом. Встретимся через час в кафе на Староневском... не то «Инжир», не то «Урюк»...

– «Верблюд», наверное, – любезно подсказал Маркиз.

– Да нет, какой верблюд? «Изюм»!

– Ах, вот как?

И через час Леня входил в двери самого обычного кафе. Играла музыка, две дамы, оживленно сплетничая, пили капучино и ели фруктовые пирожные. Одиноким мужчиной с мрачным выражением на лице расправлялся с огромной пиццей. Молодые родители пичкали своего ребенка клубничным десертом и одновременно пытались проводить с ним воспитательную работу.

Леня огляделся в поисках клиента. Вон там, за самым дальним столиком в углу, сидит мужчина со стаканом минеральной воды и выбивает пальцами по столу нервную дробь. По всем признакам это и есть клиент. Маркиз кивнул официантке и направился к своему будущему заказчику. Услышав шаги, мужчина вскинул голову, но что это? Перед Леной сидел тот самый тип, который только что, буквально два часа назад, задел его машину. Как его фамилия? Зозулин, кажется...

Мужчина тоже узнал Леню, и лицо его исказилось от праведного гнева.

– Вы что – следите за мной? Я же сказал, что оплачу любой ремонт! Только не сейчас, сейчас мне абсолютно не до этого!

– Спокойнее, Сергей Михайлович, – сказал Леня, присаживаясь за стол, – я не люблю нервных клиентов. Я, конечно, согласился с вами встретиться, но это не значит, что я готов взяться за ваше дело.

Надо отдать должное господину Зозулину – он с ходу просек ситуацию.

– Надо же, какое совпадение... – протянул он.

Леня Маркиз совпадений тоже не любил, но решил промолчать и послушать.

– Итак, – начал Сергей Михайлович, тяжело вздохнув, – я потерял близкого человека.

– Мои соболезнования...

– Да погодите вы! – отмахнулся Зозулин. – Я надеюсь, что это не навсегда, что все еще можно исправить, и вы мне поможете ее найти... То есть не ее, а другую...

– Вы по порядку, – мягко посоветовал Маркиз, успевший сообразить, что человек, сидевший перед ним, растерян, расстроен и вообще явно не в себе.

– Мне сорок лет, и я одинок, – послушно начал Сергей Михайлович. – То есть был одиноким, пока не встретил ее, Наденьку...

«Многообещающее начало», – подумал Маркиз, не забыв скроить самую участливую физиономию.

– Вы не представляете, какое она чудо! – вскричал Зозулин. – Таких девушек одна на миллион, – умница, красавица, полна очарования, при этом прекрасно воспитана и образованна.

Леня исподтишка поглядел в лицо своему собеседнику – не шутит ли тот? Но нет, Сергей Михайлович был сама искренность. Перед Леной было лицо – довольно приятное и хорошо выбритое – лицо сорокалетнего мужчины. А по речам можно было дать ему все восемьдесят. Маркиз решил приглядеться к господину Зозулину более внимательно – обычно мужчины его возраста и положения отмечают в женщинах не совсем те качества, которые назвал ему собеседник.

– Вы не подумайте, я не монах и не тип, сохранивший невинность до сорока лет! – Сергей Михайлович правильно понял Ленин взгляд, и Маркиз тотчас же решил следить за своим лицом – не дело это, когда клиенты читают твои мысли.

– Я был женат – правда, довольно давно, в молодости. И потом... женщины у меня были, но как-то ни одна не зацепила так, как эта... Я, видите ли, не люблю этих современных хищниц, охотниц за деньгами...

«Кто ж их любит-то», – согласно кивнул Леня.

– И деловых женщин, озабоченных только собственным карьерным ростом, я тоже не люблю, – доверчиво улыбнулся Зозулин, – возле них не согреешься, как говаривала моя бабушка...

«Уж без бабушкиного воспитания здесь точно не обошлось», – подумал Леня.

– И уводить жен или любовниц у приятелей и коллег по работе я тоже не хочу, как-то это... нечистоплотно, что ли...

«И тут он прав... – подумал Леня, – на редкость положительный мужчина...»

– Короче, мы с Наденькой были знакомы два месяца, и я понял, что эта женщина создана для меня, что если я позволю ей уйти, то никогда себе этого не прощу!

– А она собиралась? – серьезно спросил Леня. – Она что – собиралась вас бросить?

– Что вы! У нас были прекрасные отношения, Наденька была сама нежность! И вот вчера я пригласил ее в ресторан «Бунин», чтобы сделать предложение.

Зозулин залпом выпил свою воду, махнул рукой и рассказал Лене Маркизу все, что случилось накануне в ресторане.

– Очень интересно! – Леня попросил официантку, чтобы принесла кофе. – И вы категорически утверждаете, что никогда в жизни не видели эту женщину, которая устроила скандал?

– Как на духу! – Сергей Михайлович прижал руки к сердцу. – Меня подставили! Только не могу понять, зачем...

– Чтобы расстроить ваш брак с вашей Наденькой, – ответил Леня, – самый простой способ подгадить человеку.

– Но никто не знал, что я собираюсь сделать ей предложение! – вскричал Сергей. – Я и сам решился на это только после обеда! И никому не говорил!

– Бывшая жена? – деловито поинтересовался Леня.

– Не тот случай, – вздохнул Зозулин. – Мы расстались много лет назад, она давно живет в Штатах, замужем там, трое детей, довольна жизнью, в России не была лет десять...

– Любовницы?

– Постоянной у меня не было, со всеми девушками я расставался по-хорошему, они не имели претензий...

– Хм... так что вы хотите от меня? – Леня принял от официантки чашечку кофе.

– Наденька очень обиделась... Она никогда не попадала в такую ситуацию, это был для нее шок! Эта мегера осыпала ее такими оскорблениями... Наденька просто не вынесла такого... Я бросился за ней, хотел успокоить, поговорить... но не успел ее догнать. Потом я поехал ее искать. Дома ее не было...

– Вы жили вместе?

– Н-нет, она очень стеснялась, говорила, что в ее семье такое немыслимо...

– А вы знакомы с ее семьей?

– Понимаете, она из провинции. Это-то меня и привлекло, потому что только там сохранились еще какие-то подлинные чувства и такие замечательные женские качества, как верность, нежность, преданность, покорность...

– Не уверен, что вы правы, однако мое мнение к делу не относится, – заметил Маркиз. – Итак, она постоянно у вас не жила, но все же приходила довольно часто и оставалась ночевать?

– Да, конечно... И еще она снимала квартиру в спальном районе, на проспекте Кибернетиков. Я бросился туда, и представьте себе мое горе, когда в квартире я застал только хозяйку – жуткую бабу. Она говорила со мной очень грубо, сказала, что Надя уехала, что она не желает больше со мной иметь никаких дел, что я разбил ее сердце и растоптал ее чувства и что она написала мне последнее прощальное письмо, хотя хозяйка просила ее этого не делать – нечего, мол, этого кобеля, то есть меня, баловать, мужики по-хорошему не понимают... Я едва не убил эту фурию! Я оттолкнул ее и бросился в квартиру, думая, что Надя прячется в комнате. Но там никого не было и вещей ее тоже. Она пропала!

В этом месте рассказа Леня поднял брови, но ничего не сказал.

– Дрожащими руками я развернул письмо... я не могу вам его показать, но поверьте, оно написано женщиной, которой нанесли едва ли не смертельную рану!

– Ну уж, – усомнился Леня, – что такого случилось?

– Вы не знаете Наденьку! – вскричал Зозулин. – Она так ранима... И самое главное – она мне больше не верит! А я не могу без нее жить! Я должен, слышите – должен на ней жениться!

– Да я-то разве против? – удивился Леня. – Но что конкретно вы хотите от меня?

– Я хочу, чтобы вы отыскали ту злодейку, ту гадину, что явилась в ресторан и испортила мне все! Сломала мою жизнь! Я хочу выяснить, за что она меня так ненавидит или кто ее нанял! Сегодня я уезжаю в Нижний Залом...

– Куда? – поразился Леня.

– Это Наденькина родина. Очень красивый старинный город. Она мне рассказывала – город утопает в зелени, у них много церквей, монастырь очень красиво расположен на берегу речки Заломки, вечерами такой колокольный звон стоит...

– Вы думаете, что она поехала домой? Она же вам написала, чтобы вы ее не искали... И кстати, а что ваша невеста делала тут, в нашем городе? Где она работала?

– Она... она собирала материал для кандидатской диссертации. Что-то о древнем зодчестве...

Маркиз второй раз поднял брови, но снова ничего не сказал.

– Она говорила, что все беды и неприятности забывает, когда сядет на берегу речки и смотрит с обрыва на тот берег. А там поле и белая церковь стоит на горке... Так возьметесь вы мне помочь? Я привезу Наденьку и хочу, чтобы она сама услышала все из уст той ненормальной! Вы должны ее найти!

– Хорошо, – неожиданно для себя согласился Ленья, – я попробую. Хотя... если ваша невеста так легко решилась на разрыв с вами, может быть, не стоит ее возвращать? Может быть, она вовсе не так сильно вас любит? Не буду, не буду... – он замахал руками, видя, что Зозулин вскочил с места и грозно засверкал глазами, – разумеется, вы ничьих советов не слушаете...

Договорились встретиться через два дня.

«Какая романтическая история! – думал Ленья. – Лолке рассказать, ей понравится...»

Ресторан «Бунин» только что открылся, и большинство столиков было еще свободно. Ленья огляделся и уверенно направился к столику возле окна – тому самому, который в памятный вечер занимал Сергей Зозулин со своей голубоглазой подругой.

Он уютно устроился в плетеном кресле и огляделся по сторонам.

Ленья ждал вдохновения.

Обычно, направляясь в незнакомые места, Ленья не делал домашних заготовок, а полагался на вдохновение и действовал под влиянием настроения. Здесь, в ресторане «Бунин», как уже говорилось, обстановка напоминала загородную дачу начала прошлого века. Разумеется, Ленья мог помнить такие дачи исключительно по художественным фильмам и экранизациям русской классики. Соответственно, у него возникло кинонастроение. Он прикрыл правый глаз ладонью, прищурился и задумчиво проговорил:

– Контражур! Надо будет добавить света... или, наоборот, убавить. Получится готиченько...

– Что, извините? – переспросила его миловидная круглолицая официантка, бесшумно возникшая рядом с его столиком.

– Я говорю, что нужно будет добавить света... – протянул Маркиз и пристально посмотрел на официантку.

– Я могу попросить Павла Васильевича, чтобы он включил люстру... – немного растерянно отозвалась девушка. – Но вообще мы специально создаем приглушенное освещение... для более интимной, доверительной обстановки...

– Да нет, вы меня не поняли. Сейчас мне здесь очень нравится, вполне интимненько, но вот если снимать здесь кино, то со светом что-то придется делать...

– Кино?! – переспросила официантка, и ее глаза восторженно заблестели. Слова «кино», «съемки», «третий дубль» звучали для нее райской музыкой.

– Кино? – повторила она мечтательно. – Вы работаете в кино?

– Разумеется, – Ленья привстал, – Леонид Марков. Вы, конечно, видели картину «Смерть по доверенности»? Это – моя работа...

– Нет... – стыдливо призналась официантка. – Но я непременно посмотрю... А вы режиссер?

– Почти... – Ленья скромно потупился. – Вообще-то, от меня зависит больше, чем от режиссера. Я занимаюсь кастингом...

– Чем? – переспросила девушка.

Она была девушка скромная, несовременная, воспитанная бабушкой-учительницей, и в большинстве иностранных слов ей слышалось что-то неприличное.

– Подбором актеров. Кстати, вы не хотели бы сниматься в кино? У вас такое замечательное лицо! И это платье! Оно вам так идет! Его просто необходимо снимать!

– Вы меня превратно поняли! – официантка попятилась, ее лицо порозовело. – Я девушка порядочная... я не готова сниматься в эротических сценах!

– Что вы! – Леня галантно поклонился. – Я никогда не предложил бы вам ничего такого!

– Но вы сказали... снимать платье...

– Совсем не в том смысле! Вас нужно снимать в исторических мелодрамах! У вас такой типаж!

– Да, пара лишних килограмм у меня есть, но если надо, я похудею... – девушка порозовела еще больше, приближаясь цветом к малиновой настойке на соседнем столе, и добавила, доверительно понизив голос: – Вообще, кино – это моя заветная мечта...

Тут же она спохватилась и положила перед Маркизом меню:

– Вы будете обедать или только слегка перекусите?

– Для начала принесите мне чего-нибудь попить, – попросил Леня. – Чего-нибудь такого... патриархального!

– Вот, пожалуйста, у нас есть квас архиерейский... или морс монастырский...

– Пусть будет монастырский, – согласился Леня. – Но снимать вас мы будем обязательно. Как вас, кстати, зовут?

– Алла...

– Замечательно! Так вот, Аллочка, в моей новой картине вы будете играть дочь обедневшего помещика, невесту драгунского офицера. Ее жених ушел на войну, и от него несколько лет не приходило писем, так что она уже почти смирилась с тем, что ей так и не удастся устроить свою судьбу... кстати, вы позавчера тоже здесь работали?

– Да, – кивнула официантка, глаза которой мечтательно затуманились: она уже видела себя драгунской невестой. – Да, а что?

– Дело в том, что один мой знакомый ужинал у вас позавчера и видел здесь необычайно темпераментную женщину. Именно такую, какая нужна нам для нового фильма из жизни испанских контрабандистов... рабочее название – «Каталонский оборотень». Может быть, вы ее тоже заметили? Брюнетка в красном платье... она ворвалась сюда, как тропический ураган, и устроила бурную сцену своему неверному возлюбленному...

– Да, ее трудно было не заметить... влетела в ресторан и устроила скандал, – подтвердила официантка. – Между прочим, он мне показался таким симпатичным... сидел здесь с невестой... такая приятная пара...

– Так вот, мой режиссер ищет именно такую женщину. Что касается меня – я предпочел бы вас, но он... режиссеры – это такой капризный народ! Видите ли, ему теперь просто необходима та скандальная брюнетка! А я должен ее искать... кстати, вы ее хорошо запомнили? Может быть, какие-то особые приметы?

На лице Аллы появилось особенное выражение – как будто она хотела что-то сказать, но не решалась. Так бывало, когда старомодное бабушкино воспитание диктовало ей одно, а бурная окружающая действительность – другое.

Маркиз уловил эти колебания и проговорил с интонациями опытного искусителя:

– Если бы вы помогли мне отыскать ту женщину, я замолвил бы за вас словечко перед нашим режиссером...

– Дело в том, – Алла понизила голос и склонилась к Маркизу. – Дело в том, что она, та женщина... она кое-что здесь потеряла.

– Потеряла? – оживился Леня. – Что именно? Терпение? Лицо? Веру в людей?

– Она потеряла сережку! – выдохнула официантка.

В это время в проеме двери, ведущей в ресторанный кухню, показалась представительная фигура метрдотеля. Павел Васильевич негромко откашлялся и поманил Аллу пальцем.

– Одну минутку! – прошептала девушка Маркизу и торопливо направилась к метрдотелю.

– Ты почему, Земляникина, возле шестого стола застряла? – прошептал тот одними губами, сохраняя при этом приветливое и гостеприимное выражение лица. – Тебя за четвертым столом уже полчаса дожидаются, а ты с мужчиной лясы точишь!

– Я не лясы, – огрызнулась официантка. – Я ему рекомендации даю по поводу наших фирменных блюд! Посетитель у нас первый раз, и не в курсе, чем баклажаны верченые отличаются от баклажанов печеных.

– Ну смотри у меня, Земляникина! – прошипел Павел Васильевич. – Ты лично отвечаешь, чтобы он десерт заказал и наливку! Иначе срежу тебе премию под корень!

– Постараюсь, Пал Васильич! – Алла захлопала ресницами и вернулась к Маркизу.

– Начальство ругается? – проговорил тот с пониманием.

– Зверь! – призналась девушка.

– Поставь мне в счет все, что он хочет, только расскажи про ту сережку.

И Алла Земляникина поведала Лене, что, когда все участники скандала покинули ресторан, она нашла на полу возле шестого столика, того самого, за которым сейчас сидел Маркиз, красивую золотую сережку с кроваво-красным камушком.

– Я ее в карман сунула, хотела начальству отдать, да потом закрутилась и забыла...

– Так, может, это вовсе не та женщина потеряла, которая скандалила? Может, это вторая, которая за столиком с мужчиной сидела?

– Да что вы! – изумилась Алла глубине Лениного невежества. – Та ведь блондинка была, с голубыми глазами!

Леня вынужден был признать, что серьги с кровавыми рубинами гораздо скорее могут принадлежать скандальной брюнетке, чем слезливой романтической блондинке.

– А самое главное, она мне потом позвонила!

– Кто позвонила? – переспросил Маркиз, даже утратив от удивления врожденную грамотность. – То есть кто позвонил?

– Ну, она, брюнетка эта! Позвонила вечером в ресторан, попросила официантку, которая шестой стол обслуживала, и спросила, не находила ли я чего... я, конечно, сразу сказала про сережку, а она – это семейная реликвия, я за нее хорошо заплачу, только принеси... а я говорю – конечно, что за вопрос, я девушка честная...

– И что – уже отдали?

– На завтра договорились...

– Я вас умоляю! – Леня молитвенно сложил руки. – Скажите, где у вас назначена встреча? Я могу сам передать ей эту сережку, а вам заплачу вместо нее премию за честность...

– А зачем это вам? – подозрительно осведомилась девушка.

– Я же вам сказал – мне режиссер велел ее непременно найти! Она нужна ему на роль темпераментной испанки, подруги каталонского контрабандиста...

– Ладно, – Алла оглянулась на дверь и достала из кармана передника массивную золотую сережку с крупным красным камнем и протянула ее Лене. – Отдайте сами, так и быть... и премии мне никакой не надо... только насчет кино – вы вправду можете меня устроить?

– Непременно! – ответил Маркиз честным голосом, почувствовав при этом болезненный укол где-то в районе поясницы. Возможно, это был укол совести, а может быть – просто колкая спинка плетеного кресла.

– Значит, на завтра мы с ней договорились, – громко зашептала Алла. – В одиннадцать часов, в торговом центре «Райский сад», возле птичника...

– Птичника? – удивленно переспросил Маркиз. – Какого еще птичника?

– Ну, сейчас же у каждого торгового центра своя фишка непременно должна быть, – пояснила Алла. – Где аквариум огромный, с разными экзотическими рыбами и даже с акулами, где африканская деревня, где, наоборот, полярная льдина с белым медведем, а в этом «Райском саду» большой вольер с тропическими птицами. Вот около этого птичника мы и договорились встретиться...

В дверях кухни снова появился Павел Васильевич.

На этот раз ему даже не пришлось подзывать Аллу – она все поняла по выражению его лица и направилась за очередным выговором.

– Земляникина! – прошипел метрдотель. – Ты хорошо слышишь? У тебя проблем со слухом нету?

– Нету... – честно призналась Алла.

– Я тебе что сказал? Что тебя за четвертым столом второй час дожидаются! А ты как была возле шестого, так и осталась! Тебе что – не нравится у нас работать?

– Не нравится, – решительно ответила честная девушка. – Если хотите, можете прямо сейчас меня уволить! Я в артистки перехожу! В кино буду сниматься! А вы сами можете клиентам настойку на клопах втихивать!

Компаньоны договорились, что Лола загримируется под официантку Аллочку и пойдет на встречу со скандальной брюнеткой. Передаст ей серьгу и постарается выяснить, кто велел ей устроить сцену в ресторане «Бунин».

Запуганная будильником, Лола самостоятельно поднялась довольно рано. Но дальше начались сложности.

– Дорогая, – голос был вежлив, но Леня недовольно хмурил брови, – грим должен быть ненавязчив, ты совершенно не похожа на ту девушку, официантку.

– Но как я могу сделать себя похожей на нее, если никогда ее не видела? – вскричала Лола.

– Молодая девушка из приличной семьи, очень воспитанная... Глаза такие... наивные... – мечтательно проговорил Леня.

– Девушки из приличных семей не работают официантками! – вскипела Лола. – Уж как-нибудь эта приличная семья о ней позаботилась бы! Дала бы ей образование! Что касается наивных глаз, то самые наивные глаза у дорогих валютных проституток...

– Ну, представь себе скромную провинциальную барышню позапрошлого века...

– Да не валяй ты дурака! – рассердилась Лола. – Волосы у нее какие – темные, светлые?

– Вроде русые... глаза... кажется, голубые или серые...

Лола ловко нацепила парик и вставила в глаза светлые линзы.

– Ну?

– Щеки вроде бы попухлее у этой Аллочки... и нос пуговкой...

– Так?

– Что-то есть... – удивился Маркиз, – шмотки яркие не надевай, поскромнее что-нибудь.

Без пяти минут одиннадцать стеклянные двери торгового центра «Райский сад» раздвинулись, пропустив внутрь скромную голубоглазую девушку с русыми, гладко уложенными волосами, в платье фасона «Татьянка» и с таким выражением лица, как будто эта девушка только что дочитала «Дворянское гнездо» Тургенева и собирается приступить к «Вешним водам». В общем, эта девушка относилась к разряду тех, кого в наше время называют ботаниками.

В этом неземном создании трудно, да что там – практически невозможно было узнать Лолу, верную соратницу и боевую подругу Леонида Маркова по прозвищу Маркиз.

Сам Маркиз, увидев результат перевоплощения своей подруги, пришел в восторг и заявил, что рядом с Лолой побледнеют от зависти все великие актрисы прошлого и современности – от Рашель и Сары Бернар до Мерил Стрип и Пенелопы Крус.

– Нет, Лолка, ты все же выдающаяся актриса! – заявил он, напутствуя подругу. – Так изобразить наивность и непосредственность не под силу актеру средней руки!

Хотя Лола знала, что ее компаньон хитер и речист, как змей-искуситель, ей было приятно услышать эти слова.

Итак, она вошла в холл торгового центра и огляделась.

Посередине этого ярко освещенного холла красовалась скульптура в виде огромной человеческой ладони из хромированного металла. Те, кто бывал в «Райском саду» достаточно часто, знали, что у этой скульптуры есть небольшой секрет. Когда в торговом центре начинались большие рождественские и сезонные распродажи, хромированная ладонь гостеприимно раскрывалась, как бы приглашая покупателей на распродажу. Когда же распродажи заканчивались, пальцы скульптуры ловко складывались в выразительный кукиш.

Лола обошла гостеприимно раскрытую металлическую ладонь и встала на эскалатор, который быстро вознес ее на второй этаж центра, к сердцу «Райского сада» и его главному аттракциону – огромному вольеру с птицами.

Вольер был окружен восхищенной публикой. Основную часть ее составляли родители с детьми, которые пришли сюда специально ради этого птичника, но были здесь и вполне взрослые люди, которые пришли за покупками, но залюбовались удивительным зрелищем и застряли возле вольера.

Самым колоритным, пожалуй, был смуглый мужчина с длинными черными усами, в белоснежной чалме и таком же ослепительно белом костюме – наверное, индус или пакистанец. Он смотрел на экзотических птиц с восхищением пятилетнего ребенка.

И правда, здесь было на что посмотреть.

В огромном вольере, искусно сплетенном из золотистой проволоки, среди густых ветвей и лиан порхали бесчисленные птицы неопишуемой красоты.

Здесь были райские птицы с огромными, пышными хвостами из золотистых, изумрудно-зеленых и белоснежных перьев и с удивительными головными уборами, напоминающими плюмажи конных гвардейцев, и фазаны с оперением, переливающимся всеми цветами радуги, и павлины, и зимородки, и крупные хохлатые птицы, перья которых меняли свой цвет в зависимости от освещения. Названия большинства этих птиц Лола не знала, что не мешало ей любоваться их замечательным оперением. Правда, звуки, доносившиеся из вольера, не соответствовали внешнему виду птиц – среди ветвей раздавались резкие хриплые крики, странные квакающие звуки и громкое, немелодичное пощелкивание.

Немного полюбовавшись на экзотических птиц, Лола взглянула на часы. Было уже десять минут двенадцатого, а нахальная брюнетка все еще не появилась.

Лола и сама любила немного опоздать на всякие встречи и свидания, за что Леня очень на нее сердился. Она искренне считала, что если девушка заслуживает приглашения, то она заслуживает и ожидания. И вообще, приходить куда бы то ни было вовремя казалось ей дурным тоном. Правда, машинисты поездов дальнего следования, капитаны океанских лайнеров и пилоты пассажирских самолетов почему-то не разделяли ее мнения и отправлялись в дальний путь точно по расписанию, несмотря на то что самого главного пассажира еще не было на борту.

«И куда я так торопилась? – думала Лола, внимательно оглядывая пеструю толпу вокруг птичьего вольера. – Вполне могла еще полчаса понежиться в постели... или выпить еще одну чашечку кофе... или поиграть с Пу И...»

Это были пустые мечты. Лола прекрасно понимала, что Маркиз в любом случае выпер бы ее из дому вовремя.

Вдруг она увидела в толпе стройную женскую фигуру в красном костюме. Черные волосы до плеч, высокие каблуки – все это соответствовало описанию темпераментной брюнетки, на встречу с которой пришла сегодня Лола.

Непонятно было только одно – брюнетка почему-то шла не к Лоле, а от нее, в сторону эскалатора, работающего на спуск.

Лола бросилась вслед за ускользящей брюнеткой, едва не потеряла ее в толпе, снова увидела, на этот раз уже на эскалаторе, следом за ней шагнула на движущуюся лестницу и припустила бегом, рискуя сломать каблук.

Перед самым выходом из торгового центра, возле хромированной ладони, она наконец догнала брюнетку и коснулась ее плеча...

Та обернулась, и Лола поняла, что ошиблась: стройной даме было не меньше семидесяти. Она принадлежала к типу женщин «сзади пионерка, спереди пенсионерка».

– Извините, обозналась! – разочарованно протянула Лола.

– Ничего, бывает! – дама любезно улыбнулась и покинула торговый центр.

Лола вернулась на свой наблюдательный пункт как раз вовремя, чтобы заметить еще одну брюнетку в красном костюме. На этот раз все подходило – и костюм, и возраст, и внешность... брюнетка крутила головой, явно кого-то разыскивая. Впрочем, никаких сомнений не было – она разыскивала именно ее, Лолу! То есть, конечно, не Лолу, а официантку Аллу, за которую Лола себя выдавала...

Короче, Лола снова бросилась к ней, по дороге столкнувшись с восторженным индусом. Тот поправил чалму, улыбнулся Лоле и проговорил что-то на своем непонятном языке. Лола почему-то решила, что он сказал ей изысканный индийский комплимент.

Она уже почти вплотную приблизилась к брюнетке, но та вдруг шарахнулась от какого-то мужчины, испуганно заметалась и устремила к лифтам.

– Ну что это такое! – проворчала Лола, протискиваясь сквозь толпу. – Что они, стоворились, что ли – все от меня убегают... можно подумать, что ей не нужна сережка...

Брюнетка скрылась в кабине лифта. Прежде чем двери закрылись, вслед за ней туда же протиснулся очень высокий, сутулый мужчина с наголо выбритым черепом и оттопыренными ушами, напоминающими крылья летучей мыши. Лола же опоздала буквально на секунду – двери захлопнулись и лифт умчался на верхние этажи «Райского сада».

Лола успела заметить, что на световом табло уехавшего лифта загорелась цифра пять, и бросилась к соседнему лифту, который как раз остановился рядом.

В кабине было человек шесть. Лола потянулась к кнопке с цифрой пять. Рядом с ней была надпись «Только для персонала», но Лола решительно нажала эту кнопку.

Все остальные пассажиры вышли на третьем и четвертом этажах, где размещались бутики и рестораны, и к пятому этажу Лола подъехала в одиночестве.

Она вышла из кабины лифта и удивилась царящему на этом этаже таинственному полумраку. В дальнем конце коридора мелькнула какая-то сутулая фигура и скрылась за поворотом.

Брюнетки не было.

Лола раздраженно топнула ногой: ну, сколько же можно за ней гоняться!

Ей ответило эхо.

То есть вслед за стуком каблука по напольной плитке раздался похожий звук.

Прошло несколько секунд, и этот звук повторился.

Лола насторожилась: на этот-то раз она не топала, откуда же взялось это эхо?

Прошло еще несколько секунд, и снова раздался тот же самый звук.

И только тогда Лола поняла, что слышит стук смыкающихся дверей лифта. Соседнего, того самого, на котором уехала от нее неуловимая брюнетка.

Лола повернулась к соседней кабине, сделала несколько шагов...

Двери кабины снова съехались, но не до конца: что-то мешало им закрыться.

Лола опустила взгляд и увидела это «что-то».

Это были две стройные женские ноги. На одной ноге была изящная красная туфелька с высоченной шпилькой, с другой туфелька слетела и лежала чуть в стороне.

А внутри самой кабины, на зеленом ковровом покрытии, лежала та самая неуловимая брюнетка, которую Лола только что безуспешно пыталась догнать.

На этот раз брюнетка никуда не спешила.

Ее глаза были широко открыты и смотрели прямо перед собой с таким ужасом, что Лола невольно вздрогнула, как будто ей передался страх незнакомки. Она инстинктивно шагнула к освещенной лифтовой кабине, чтобы помочь брюнетке, хотя интуиция подсказывала ей, что никакая помощь той уже не нужна... стоило посмотреть на странно выгнутую шею женщины – как будто из сломанной куклы вытащили пружину... Вдруг Лолу схватила за локоть сильная мужская рука.

Она собралась оглушительно завизжать, но вторая мужская рука зажала ей рот.

– Тихо, Лолка! – зашептал ей в ухо удивительно знакомый голос.

Лола задергалась, пытаясь вырваться, скосила глаза... и увидела прежнего индуса в бело-снежной чалме. Индус подмигнул ей, снял чалму... и оказался Леней Маркизом.

– Что ты здесь делаешь? – возмущенно воскликнула Лола, снимая чалму, Леня неосторожно освободил ее рот.

– А как ты думаешь? Подстраховываю свою боевую подругу! Слежу, чтобы она не наде- лала глупостей!

– Эта брюнетка... – начала Лола, испуганно покосившись на тело в лифте.

– Знаю. Она умерла. Мы с тобой влипли в какую-то отвратительную историю.

– Опять! Каждый раз, как ты берешься за новое дело, не посоветовавшись со мной...

– Лолка, я прекрасно знаю все, что ты мне хочешь сказать! Я слышал все это не один десяток раз, но нам сейчас нужно не выяснять отношения, а как можно скорее уносить отсюда ноги. Скоро здесь появится местная охрана, а следом за ней – настоящая полиция, и нам с тобой не поздоровится! Мы можем пригодиться им на роль подозреваемых, а эта роль вряд ли относится к твоему репертуару...

Лола признала правоту своего компаньона, и они устремились к запасной лестнице.

К счастью, по дороге им никто не встретился. Ленина машина стояла за углом, в десятке метров от служебного выхода «Райского сада». Леня сел за руль, выжал сцепление, Лола расположилась рядом, но не успел Маркиз отъехать от тротуара, как она схватила его за плечо:

– Вот он!

– Ты с ума сошла! – прорычал Маркиз, с трудом избежав столкновения с черным «БМВ». – Сколько раз я тебе говорил – не отвлекай меня, когда я за рулем! Сейчас бы врезался в этот «бумер» и получил полный пакет неприятностей! В нем явно едут бандюганы...

– Но это действительно он! Посмотри! – Лола прижалась к стеклу, разглядывая идущего по улице человека.

– Кто – он? – раздраженно переспросил Маркиз. – Филипп Киркоров? Константин Хабенский? Элтон Джон? Лючано Паваротти? Король Испании Хуан Карлос? Арнольд Шварценеггер? Из-за кого ты чуть не устроила аварию?

– Да перестань меня воспитывать! – раздраженно отмахнулась Лола. – Это ведь тот муж- чина, который убил брюнетку в лифте! Я совершенно уверена!

– Ты что – серьезно? – Маркиз перегнулся через Лолу и разглядел идущего по улице человека – очень высокого, сутулого мужчину с наголо выбритым черепом и оттопыренными ушами, напоминающими крылья летучей мыши.

Впереди раздался скрип тормозов и раздраженный вопль:

– Ты, козел, смотри, куда едешь!

Разглядывая бритого мужчину, он чуть не врезался в серую «Шкоду-Октавию», водитель которой теперь жаждал крови.

К счастью, столкновения удалось избежать, и дело ограничилось коротким, но бурным обменом любезностями. Однако за время этой перепалки бритоголовый тип куда-то пропал.

– Ты уверена, что это он убил ту женщину? – спросил Маркиз, разглядывая прохожих. – Ты же не присутствовала при убийстве!

– По крайней мере, это он сел с ней в лифт, и когда я поднялась на пятый этаж, видела, как он убежал по коридору...

– Это была наша единственная зацепка, и мы ее потеряли! – проговорил Маркиз с тяжелым вздохом и снова отъехал от тротуара.

– Вот он! – завопила Лола в ту же самую секунду и снова схватила Леню за руку.

На этот раз Маркиз был начеку, и он с честью вышел из опасной ситуации. Припарковав машину, он повернулся к Лоле:

– Где?

– Да вон он, только что сел в ту хорошенькую серебристую машинку! Как ты считаешь – мне такая пойдет?

Хорошенькая серебристая машинка оказалась «Гольфом» цвета металлик. Леня начал грамотное преследование, то есть одновременное решение двух противоположных задач – не потерять объект слежки и в то же время не попасться ему на глаза.

К счастью, улицы вокруг «Райского сада» были буквально забиты транспортом. Это был тот редчайший случай, когда Леня радовался пробкам, потому что серебристый «Гольф» двигался с черепашной скоростью и следить за ним не представляло никакого труда.

Минут через двадцать они вырвались из пробки и поехали быстрее.

Маркиз немного отстал, чтобы не мозолить глаза объекту, и теперь опасался потерять его из виду.

К счастью, преследование оказалось не очень продолжительным: свернув очередной раз за угол, Леня увидел, что «Гольф» припаркован возле стеклянной двери с яркой вывеской: «Медико-оздоровительный центр «Авиценна». И рядом был нарисован силуэт довольно симпатичного мужчины в чалме, а также врачебная эмблема – змея и чаша.

– Ого! – сказал Маркиз. – Авиценна-то у них хитрый как змея и не дурак выпить! Несмотря на то что мусульманин!

Дверь открылась, и на крыльцо вышел накачанный парень с мобильным телефоном. Окинув машину Лени профессионально-подозрительным взглядом, он тихо сказал что-то в трубку.

– Надо уезжать, пока он нас не срисовал, – посерьезнел Маркиз и тронул машину с места.

Дверь купе приоткрылась, показалось заспанное и несколько опухшее лицо проводницы.

– Через десять минут будет ваш Нижний Залом! – сообщила она. – Имейте в виду – стоянка поезда всего три минуты!

– Спасибо! – поблагодарил ее Сергей Михайлович Зозулин, доставая из-под сиденья дорожную сумку. Ему показалось, что проводница окинула его сочувственным взглядом и тяжело вздохнула.

Он шагнул на перрон, проводил глазами уходящий поезд и только тогда огляделся.

По рассказам своей беглой невесты Сергей представлял Нижний Залом чудесным, тихим и зеленым провинциальным городом, сохранившим патриархальное обаяние прошлого. Ему представлялись невысокие уютные домики с ухоженными палисадниками, с геранью и кружевными занавесками на окнах, плывущий над городом колокольный звон многочисленных церквей, душистый аромат сирени и жасмина, славные, гостеприимные, неиспорченные цивилизацией люди, готовые, не раздумывая, прийти на помощь незнакомому человеку, люди, никогда не запирающие входных дверей...

Пока перед ним было запущенное здание вокзала, больше напоминающее общественный туалет – стены, выкрашенные облезлой масляной краской унылого буро-зеленого цвета, стекла в половине окон выбиты и заменены фанерой, часы над входом остановились лет тридцать назад...

Сергей решил, что вокзал нельзя считать подлинным лицом города, и вышел на привокзальную площадь.

Здесь было ничем не лучше. Площадь была пыльной и унылой, по краям ее торчало несколько ларьков, за которыми виднелось уродливое здание Дома культуры, а центр украшала никогда не высыхающая лужа. Зелень, конечно, была – два кривых увечных тополя, между которыми какая-то хозяйственная особа натянула веревку. На этой веревке сохло заскорузлое нижнее белье невообразимого цвета.

Еще на площади имелось удивительное количество бездомных собак и трое мужиков, которые мирно беседовали, передавая друг другу бутыл с подозрительной мутно-зеленой жидкостью.

В обозримых окрестностях не наблюдалось ни уютных домиков с геранями на окнах, ни многочисленных церквей, ни богобоязненных старушек. Если здесь и вспоминалось прошлое, то не то отдаленное патриархальное время тургеневских и чеховских барышень, которое представлял себе Зозулин, а тоскливые и неромантические времена глухого застоя.

Сергей вдохнул полной грудью заломовский воздух... и закашлялся: в этом воздухе ощущался не аромат цветущих садов, а густой запах какой-то едкой химии.

Сергей зашагал через площадь в надежде все же найти где-то за Домом культуры обещанное патриархальное благолепие, когда навстречу ему выдвинулся одноногий мужик в драном ватнике и неуместной по летнему времени шапке-ушанке, сшитой некогда из меха кролика серо-заячьего, но давно уже утратившего всякую видимость первоначального цвета и формы.

– Мужчина, окажи финансовую помощь ветерану афганской войны! – произнес незнакомец хорошо поставленным голосом. – Подай сколько не жалко на поддержание разрушенного здоровья! Как я есть ветеран и герой, проливавший свою кровь на дальних рубежах и потерявший свою родную ногу исключительно за славу оружия...

– Мужик, не давай ему ничего! – перебил его прочувствованную речь один из дружной троицы с самогоном. – Он Афгана и в глаза не видел, а ту ногу по пьяному делу потерял, под собственный трактор попал, а тепереча под ветерана косит! Ты лучше нам помоги, буквально восемнадцать рублей подкинь, а то нам одного пузыря не хватает, а Кузьминична, ехидна капиталистическая, цены на самогонку взвинтила!

– Не верь им, добрый человек! – со слезой в голосе воскликнул одноногий. – Я как есть правду говорю и свою родную ногу потерял в бою на таджикско-самаркандской границе...

Сергей осторожно отодвинул инвалида в сторону: он увидел в глубине площади, за очередным ларьком, удивительное и забытое явление – справочный киоск.

Все-таки какие-то патриархальные явления имелись в этом забытом Богом городе!

За окошком киоска дремала тетка пенсионного возраста с коротко остриженными ярко-рыжими волосами. На щеке у нее сидела наглая муха, но работница горсправки не обращала на нее никакого внимания.

– Можно справочку?! – обратился Сергей к дремлющей тетке. Та вздрогнула, открыла глаза и в испуге уставилась на посетителя. Муха сорвалась с ее щеки и перелетела на нос.

– Напугал, бескультурник! – проговорила хозяйка киоска неожиданно глубоким контраalto.

Затем она хлопнула себя по носу, видимо, рассчитывая прихлопнуть нахальную муху. Однако муха оказалась ловчее и перелетела на стекло. Тетка огорчилась, тяжело вздохнула и произнесла, сурово уставившись на Сергея:

– Пятьдесят рублей.

Сергей удивился, что она назвала цену, даже не спросив, какая справка ему требуется. Однако решил, что на все услуги справочного бюро установлена единая цена, и положил на фанерный козырек перед окошком пятидесятирублевую купюру. Тетка смахнула деньги в карман, нагнулась под прилавок, немного повозилась там и выставила перед Сергеем пузатую бутыл с мутной жидкостью – точно такую же, какую распивала дружная троица на площади.

– Это что? – недоуменно переспросил Зозулин.

– Коньяк французский! – фыркнула тетка. – А ты чего хотел за полтинник? Деньги заплатил, так что получай свое и иди, куда шел...

– Я, вообще-то, думал, здесь справочное бюро... – протянул Сергей. – Мне бы человека найти...

– Ишь, раз мечтался! – вздохнула тетка. – Я вон за целую жизнь человека найти не смогла, а ты за пять минут хочешь!

– Кузьминична! – раздался за спиной Сергея Михайловича хриплый голос. – Тебе этот козел на нервы действует? Так мы ему враз рога пообломаем! Понаехали тут...

Сергей скосил глаза и увидел одного из пресловутой троицы, который приближался к нему с самым угрожающим видом.

– Не беспокойтесь, мальчики, я с ним сама разберусь! Не первый год на свете живу! – отозвалась самостоятельная тетка и перевела взгляд на клиента:

– Ну, чего тебе? Видишь, народ уже нервничает... у нас тут чужих-то не очень любят...

Увидев растерянное лицо Сергея, она смягчилась и добавила другим тоном:

– Ну ладно, ты уже заплатил, не возвращать же деньги... так и быть, спрашивай, кого тебе надо!

– Мне бы найти Надежду Петровну Рогозину... – проговорил Сергей, опасливо косясь на приближающихся местных жителей.

– Ах, Надежду Петровну! – лицо Кузьминичны посветлело. – Ты ей не родственник ли будешь?

– Ну, можно и так сказать... – слегка смутился Сергей Михайлович.

– Ну, так бы сразу и сказал! – тетка высунулась в окошко и крикнула в сторону мрачной компании:

– Мальчики, не волнуйтесь! Он к Рогозиным приехал! К Надежде Петровне!

Троица отступила, утратив к Сергею всякий интерес, а Кузьминична проговорила:

– Значится, так. Улица Пассажира Иванова, дом четыре, квартира девятнадцать. Это ты иди мимо памятника, потом возле почты свернешь налево, пройдешь бараки, потом водокачку, тут тебе и будет та самая улица...

Зозулин приободрился, но какой-то червячок точил душу – он вспоминал их с Наденькой беседы вечером за чашкой чая и жаждал увидеть обрыв над рекой и укромное место, где хорошо мечтать и глядеть вдаль, на тот берег, а там – поле широкое, трава колыхнется, а вдалеке – церковь старинная, из белого камня сделанная... И воздух такой прозрачный и цветами пахнет...

Судя по названию улицы имени Пассажира Иванова, судя по химическому запаху, по киоску «горсправки» и его клиентам, нету в городе Нижнем Заломе никаких церквей. И монастыря тоже нету. Хотя... монастырские-то подворья в таких заштатных городах и не строили никогда. Может, он в стороне, на берегу реки?

– Ну, – дружелюбно спросила Кузьминична, – чего встал-то? Иди уж к родне-то своей, коли приехал!

– А скажите, – нерешительно заговорил Зозулин, – речка у вас в городе есть? Заломка?

– Речка? – удивилась Кузьминична. – Заломка, говоришь? Может, и Заломка, только мы ее Говнотечкой называем. Там, понимаешь, фабрика раньше была, изделий резиновых... ну и все отходы они в речку ту сливали. А ты иди, иди к Надежде Петровне-то...

Сергей поблагодарил Кузьминичну и пошел в указанном направлении, с интересом думая о том, каким уважением, судя по всему, пользуется в этом городе его несостоявшаяся невеста Наденька и вся ее семья. Однако душу точил уже вовсе не маленький червячок, было такое ощущение, что в душу ему влез небольшой величины удав – по крайней мере, метра на полтора – и пытается сжать ее, эту душу, своими смертельными кольцами.

Миновав выкрашенный унылой кладбищенской серебрянкой памятник неизвестному хмурому человеку в телогрейке, судя по лежащей на плече лопате – то ли строителю, то ли колхознику, он вышел на кривую пыльную улицу. По обеим сторонам эта улица была застроена бревенчатыми бараками, перед которыми паслись козы и играли ребятишки, а также сохло на веревках неизбежное белье. Вокруг, сколько Сергей ни вглядывался в окружающую действительность, не было видно ни тенистых садов, ни уютных домиков с резными ставнями и пышными цветниками, ни старинных церквей. Пройдя мимо здания почты, он свернул налево. Впереди виднелась кирпичная башня водокачки, за которой начались другие постройки – унылые пятиэтажные дома хрущевского времени, стены которых кое-где покрылись трещинами и повсеместно – надписями преимущественно непечатного характера.

Рядом с этими хрущевками имелись крошечные огородики – видимо, здешние жители не мыслили своего существования без собственных кабачков, а в особенности – огурцов, чтобы под рукой всегда была подходящая закуска.

На одном из таких огородов копошилась скрюченная старушка в цветастом платке. Подойдя к ней, Сергей Михайлович поздоровался и спросил:

– Бабушка, это улица Пассажира Иванова?

– Ну? – непонятно ответила та. – А че надо?

– А который дом номер четыре? А то номеров нигде не видно!

– А зачем тебе? – вместо ответа поинтересовалась подозрительная старушка. – Ходят тут всякие...

– Да мне Рогозины нужны...

– Ах, Рогозины! – старушка посветлела лицом, распрямилась и указала на соседнюю пятиэтажку:

– Так вот он, четвертый дом. А подъезд ихний второй слева. Не ошибешься – там дверь на одной петле болтается...

Сергей снова порадовался замечательной репутации Наденькиной семьи и направился к указанному подъезду.

Поднявшись на третий этаж, он остановился перед обитой дерматином дверью с нужным ему номером и нажал на кнопку звонка.

– Кто здесь? – почти сразу донесся из-за двери женский голос.

– Не открывай! – долетел вслед за тем другой голос, помоложе. – Наверняка мальчишки хулиганят!

– Мне бы Надежду! – проговорил Сергей и добавил, вспомнив уважительное отношение к Наденьке местных жителей. – Надежду Петровну!

– Ах, Надежду Петровну! – Дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина лет пятидесяти, небольшого роста и вся какая-то округлая, в круглых очках на приветливом круглом лице. – Вы проходите, я ее сейчас позову! Наденька, это к тебе!

Последние слова круглолицая особа крикнула куда-то за спину, и Сергей Михайлович повернулся в ту же сторону, в волнении ожидая, что сейчас перед ним появится его сбежавшая невеста.

Однако вместо этого в коридор вышла женщина, очень похожая на первую – такая же небольшая, такая же округлая, только, пожалуй, несколько постарше – лет шестидесяти. Кроме того, ее лицо, такое же круглое и приветливое, было, однако, отмечено печатью педагогической строгости.

– Ты из какого же выпуска? – проговорила она, уставившись на Сергея поверх таких же круглых очков. – Нет, не говори... я сама вспомню... восьмидесятый год? Вася Петров? Нет... восемьдесят первый? Коля Сидоров? Нет...

Она явно расстроилась и вздохнула:

– Что же это... не могу вспомнить... вот что значит старость... неужели пора на пенсию?

– Извините, – перебил ее Сергей. – А вы кто? Наденькина мама? Мне бы саму Надю... Надежду Петровну...

– Это и есть Надежда Петровна, – несколько сухо проговорила первая женщина. – Сестра моя! Заслуженный учитель области! А вы что – не ученик?

– Какой ученик? – Сергей удивленно разглядывал сестер. – Ничего не понимаю... я разыскиваю Надежду Петровну Rogozinu... мою невесту... она уехала, ничего мне не сказав...

– Значит, вы – не мой ученик? – женщина номер два оживилась. – Значит, у меня еще нет склероза!

– Может быть, Наденька – ваша дочь? Или ваша? – в последней надежде произнес Сергей Михайлович, переводя взгляд с одной сестры на другую.

Тут дверь одной из комнат распахнулась, оттуда появилась темноволосая растрепанная девушка в драных джинсах, исподлобья уставилась на Сергея и затем проговорила, ни к кому не обращаясь:

– Это паспорт!

– Что? Какой паспорт? – переспросил Сергей.

– Тот паспорт, который у тебя украли, тетя Надя! – на этот раз девушка повернулась к сестре номер два.

И Сергею Михайловичу поведали печальную историю.

Два месяца назад Надежде Петровне позвонили с почты и попросили зайти за посылкой. Конечно, ей пришлось взять свой паспорт.

Посылка пришла от одного из ее бывших учеников, Пети Курицына, который теперь проживал в Калининграде. В этом не было ничего необычного: учеников у нее было множество, и некоторые из них время от времени вспоминали любимую учительницу.

Получив небольшую коробку и гадая, что в ней может быть, Надежда Петровна шла домой, как вдруг она вспомнила, что дома кончился сахар. Как раз в это время она проходила мимо продуктового магазина с выразительным названием «Барабек». Пожилая учительница зашла в магазин и направилась к прилавку, за которым стояла ее бывшая ученица Тоня Кузикова. Тоня обслуживала некую даму, которая, судя по количеству закупаемого съестного, готовилась к юбилею или другому торжеству не меньше чем на пятьдесят персон.

Пока Тоня разбиралась с покупками, Надежда Петровна перебирала в памяти одноклассников Курицына.

В это время в магазин ввалилась толпа подростков.

Собственно, их было не очень много – может быть, трое или четверо, но они так суетились и галдели, что производили впечатление настоящей толпы. Один из них протиснулся к прилавку, чтобы разглядеть стойку с пивом, при этом чуть не выбил из рук Надежды Петровны калининградскую посылку.

Пожилая учительница призвала шустрого подростка к порядку, объяснила ему, как следует вести себя в общественных местах, и добавила, что употребление пива может быть чрезвычайно вредно для его растущего организма. В общем, она провела среди него внеплановую воспитательную работу.

Подросток на удивление спокойно отреагировал на ее слова и почти тут же вместе с приятелями покинул магазин. Надежда Петровна купила сахару, вспомнила, что ей нужно еще муки, и полезла в сумочку за деньгами...

Каково же было ее удивление, когда в сумочке не оказалось не только кошелька, но и паспорта!

В первый момент она решила, что выронила документ и деньги на почте, но потом отчетливо вспомнила, как убирала то и другое в сумку. Ей не хотелось верить в очевидное, но под давлением племянницы Александры – той самой девушки в драных джинсах – пришлось признать, что ее, заслуженную учительницу Нижнезальмской области, обворовали подростки, наверняка учащиеся какой-то школы.

– Как, однако, плохо поставлена в некоторых школах педагогическая работа! – подвела итог этому возмутительному происшествию сама Надежда Петровна.

Сергей, выслушав эту историю, тоже не сразу поверил в очевидное, а именно в то, что его несостоявшаяся невеста Наденька живет под чужим именем и по чужому, да еще и ворованному паспорту.

– Этого не может быть! – твердо сказал он. – Это какая-то ошибка!

Надежда Петровна расстроено махнула рукой и ушла в комнату, ее сестра нахмурилась и попыталась отеснить Зозулина к выходу.

– Подожди, мама! – растрепанная девушка решительно шагнула к Сергею. – Вы вообще кто такой? Откуда приехали? Документы у вас есть?

Она внимательно изучила его паспорт и водительские права, пока Зозулин стоял, прислонившись к двери, ибо его в одночасье оставили все силы.

– Уж извините, – произнесла Александра, возвращая ему паспорт, – ничем вам помочь не можем, сами пострадавшие...

– Но ведь там была ее фотография! – воскликнул Сергей полным печали голосом.

– Фотографию переклеить – это дело минутное! – сообщила ему информированная Александра и смерила напоследок сочувственным и несколько снисходительным взглядом.

Сергей Михайлович извинился перед Рогозиными за причиненное беспокойство, отказался от предложенного вежливой Надеждой Петровной чая и покинул дом.

На ближайшем углу он увидел два расположенных рядом щита – на одном было написано: «Их разыскивает полиция», на другом – «Лучшие люди нашего города». Здесь, среди этих лучших людей, он увидел приветливое округлое лицо Надежды Петровны Рогозиной.

И тут, наконец, глядя на светлые лучики морщинок, разбегающиеся от глаз пожилой учительницы, Сергей Михайлович Зозулин понял, что его, солидного человека, весьма удачливого бизнесмена, выражаясь современным языком, развели, провели как лоха. Эта женщина, которая представлялась ему такой милой и неиспорченной, такой ласковой и прекрасной, просто ангел чистой красоты – эта девица оказалась насквозь лживой и порочной. Потому что в голове у Зозулина никак не укладывалось, каким образом честный человек может жить по чужому паспорту. Нет, конечно, бывают в жизни всякие непридуманные ситуации, но в данном случае Наденька, как он продолжал по инерции про себя называть ту женщину, действовала очень обдуманно и целеустремленно. Чего стоят, к примеру, ее трогательные рассказы про речку, про обрыв и про колокольный звон множества церквей! Нарочно вешала ему лапшу на уши! Чтобы он, как дурак, расчувствовался и умилился!

– На тетю Надю любуетесь? – раздался совсем близко насмешливый голос – рядом стояла Александра.

– А вам-то что за дело? – огрызнулся в ответ Зозулин – уж очень противно было выглядеть в глазах этой девчонки полным идиотом.

– Да, в общем-то, мне никакого дела нет, – девушка пожала плечами. – Каждый человек – сам кузнец своего счастья. Или наоборот. Но здорово же вас та девица зацепила, если вы в нашу глухомань из-за нее притащились...

Сергею совершенно не хотелось обсуждать свои интимные чувства с незнакомым человеком, и он, чтобы перевести разговор на другую тему, спросил:

– А что это за название у вашего города – Нижний Залом?

– Название как название, – Александра усмехнулась. – У нас раньше две фабрики были – одна резинотехническая, а другая – консервная. Селедку консервировали, залом называется. Вот и город так называли – Нижний Залом...

– А откуда брали селедку? – удивился Сергей. – Неужели в вашей речке ловили?

– Да вы что! В нашей речке только пескари водились, да и то последнего в прошлом году поймали. А селедку к нам с Дальнего Востока привозили, в порядке кооперации.

– Ну-ну, – хмыкнул Зозулин и поглядел внимательнее на свою собеседницу. Растрепанные волосы, никакой косметики, темные глаза смотрят насмешливо. Одета нарочито небрежно – те же драные джинсы, тапочки на босу ногу, простая рубашка, завязанная узлом на поясе, из-под нее выглядывает футболка с портретом Брюса Ли... И язычок острый, как бритва...

Ему такие женщины никогда не нравились. Невольно вспомнилась та, другая – серьезные голубые глаза, тихий, мелодичный голос, скромное поведение...

Да уж, та девушка казалась именно такой, о какой он мечтал! Он-то, дурак, еще удивлялся, что бывает такое – мечты становятся явью! А на самом деле обманщица просто знала, какой он хочет ее видеть, и удачно притворялась! Но это значит, что он, Сергей Зозулин, – примитивный, предсказуемый человек, раз его можно разгадать, потратив совсем мало времени. Вот и эта смотрит своими глазами, как будто насквозь видит. Да так и есть – ишь, улыбается насмешливо, свысока...

– Я, пожалуй, пойду, – отрывисто произнес Сергей, – всего хорошего...

– И вам того же, – задумчиво бросила ему вслед Александра.

Неожиданно Сергей понял, что ужасно проголодался.

Действительно, последним, что он съел, была пачка печенья и стакан бесцветного чая, который ему налила мрачная проводница. До сих пор он не думал о еде – сначала в волнении ожидая встречи с беглой невестой, потом переживая крушение своих идеалов. Теперь же голод скрутил жгутом его пустой желудок.

Прямо по курсу, над входом в мрачное бетонное строение, виднелась вывеска с надписью «Пельменная». У Сергея имелись некоторые сомнения насчет пельменей вообще и в особенности насчет пельменей, которые могут подавать в таком сомнительном заведении. Однако голод, как известно, не тетка, и он, отбросив свои сомнения, решительно шагнул в двери пельменной.

Внутренность этого учреждения общепита превзошла все его самые смелые ожидания.